

Глазов Дмитрий, зам.председателя Совета по морским млекопитающим.

- Алексей Владимирович мне был знаком сначала, конечно, по рассказам моих родителей, поскольку мои родители оба и Алексей Владимирович были в одном кружке. Кружок назывался ВОАП. Отец иногда просил меня, я уже начинал работать в институте, отнести какие-то бумаги Алексею Владимировичу. И разговоры или какие то обмолвки, которые были в семье или на биологическом факультете МГУ, давали понять что Алексей Владимирович - фигура значимая в биологической экологической среде. Широко на слуху был его учитель Тимофеев- Ресовский, «зубр», и ассоциация между его учителем и Алексеем Владимировичем в любом случае возникала.

Но уже непосредственно знакомство с Алексеем Владимировичем произошло где-то в начале 2000- х. Я стал заниматься черноморскими дельфинами. И мне стало известно, что Алексей Владимирович активно занимался тем, чтобы прекратить промысел дельфинов на Черном море. И активный промысел черноморских дельфинов был прекращен сначала в России, а затем и Болгария, Румыния, Турция потихонечку присоединилась к этому. И это были усилия Алексея Владимировича. И тогда я, собственно говоря, понял, что не только в политической сфере, но и научной и природоохранной, связанной с моей тематикой - морскими млекопитающими, Алексей Владимирович имеет значимый вес. Дальше я вступил в общественную организацию «Совет по морским млекопитающим», Яблоков был одним из учредителей и куратором со стороны Академии наук. Несмотря на то, что он был занят сильно в политической сфере и каких-то таких административных делах, среди наших морских териологов бытовало мнение, что он приходил отдыхать к своим морским млекопитающим. Он со студенческих лет занимался этой темой, и его экспедиции на Курильские острова, в Хабаровский край, на Дальний Восток - они были связаны с морскими млекопитающими: с белухами, китами, и его интерес не пропал. Вскоре он стал руководить Советом по морским млекопитающим, и мы стали с ним чаще встречаться, чаще общаться. Организовывали вместе Международные конференции «Млекопитающие

Голарктики», занимались разными экологическими проблемами, связанными с серыми китами, с косатками, с другими видами, которые вызывали какой-то негативный интерес со стороны промысловиков или нефтяников. Начинали общаться лично, переписывались и перезванивались мы, наверно, несколько раз в неделю.

Меня поражало то, что его активность сохранялась в такие уже не благоприятные по здоровью моменты.

Его научная деятельность в годы активной научной работы была связана с дельфинами, белухами, биологическими всякими проблемами, и при этом он пытался популяризировать эти знания.

Дельфины привлекали не только его внимание как научного работника, но он к ним еще как-то относился, какое-то личное восприятие у него было иное, нежели к другим животным. Он как-то относился с большей любовью, нежели к тюленям и моржам.

Но все-таки Алексей Владимирович, если говорить про эти вещи, связанные с психологией, или не биологическом восприятии животных, он все-таки был прагматик. Все-таки недоказанные вещи не принимал. Что меня в нем поражало иногда, что он не принимал в людях, с которыми он общается, будь ты там студентами или доктор наук или даже академик, он не принимал непрофессионализм. То есть, если человек о чем-то говорит, он должен в это вникнуть. Он не может просто так бросаться какими-то словами. И его бесило, когда на дискуссии научной или в каком-то заседании выступает человек, который не понимает о чем говорит, и это видно было.

И конечно, мне нравилось то, что он прислушивался к мнению не важно какого ранга человека, Он старался посмотреть с разных сторон, потому что на него наседали как зеленые, так и промысловики, и какие то заинтересованные стороны. Он выворачивал таким образом, что понятно было, что он смотрит на эту всю ситуацию с какого-то другого уровня, да, то есть, у него есть багаж знаний и ум, которые ему позволяют встать над всей ситуацией и смотреть на нее сверху.

Это, конечно, иногда поражало, потому что это проявлялось

ненавязчиво. В общей дискуссии ты понимаешь, что ему это видится совершенно по-другому. Наверно, этому надо учиться столько же, сколько он этого делал.

Я иногда пытаюсь перенести это на себя, насколько можно. Я стараюсь тем людям, с которыми я общаюсь, показать, что любой профессионализм, неважно, в какой сфере, но именно он ценен. Если ты не разбираешься в чем-либо – разберись, либо не касайся.

Последние годы он писал такую книгу огромную про Чернобыль, толстенную, и он на нее огромное количество сил и времени укладывал. Видно было, что и по возрасту у него есть какие-то ограничения. Он признавался, что мог работать только с утра, во второй половине дня уже эффективность работы была низкая. Но он посчитал это делом своей жизни, которое нужно завершить. Он к этому стремился и всех остальных. кого мог, привлекал.

Меня, конечно, поражала эта целеустремленность, потому что это не месяц и не два, год и больше, даже не знаю, сколько он этим занимался, но он это добил, Конечно, может быть, она его в том числе держала, потому что проблемы со здоровьем были уже давно, но вот эти вот вещи, которые он себе заложил и хотел достичь, они ему давали какой то стимул к жизни, чтобы дойти до решения этой проблемы.

Тоже было приятно и интересно смотреть, как он относится к Дильбар Николаевне, с любовью и с какой-то нежностью. Такие отношения не у всех у людей, особенно, в возрасте таком сохраняются.

Он переживал из-за того что наши темы - морские млекопитающие - фактически после прекращения промыслов тюленей и дельфинов стали проваливаться, стали закрываться лаборатории. Промысловый интерес пропал, и, соответственно, пропал интерес изучать. Но в тоже время появляются какие-то новые вызовы. Нефтяники стали осваивать Арктику и Дальний Восток, какие-то отловы происходят косаток, например, или еще чего то. Он видел эти изменения и старался молодежь, которая приходит в науку, переориентировать, чтобы они видели новшества - проблемы реабилитации этих животных, проблемы, связанные с нефтяными компаниями и т.д, То

есть у него такой взгляд был вперед устремленный.

В настоящее время никого уровня Алексея Владимировича в нашем разделе - науке морской териологии - пока не выросло, я так думаю. Наверное, и молодежь есть, и есть люди, уже у которых намечается такой полет, но я думаю, что это будет не очень скоро, потому что во всей науке сейчас существует некий такой провал, не демографический, а, наверно, какой-то логический, вот поэтому я думаю что уровня Алексея Владимировича кто-то может быть не очень скоро.

Мы пытаемся сохранить сообщество, которое при его участии было создано, Совет по морским млекопитающим, морских териологов, мы проводим конференцию раз в два года.

Есть такая детская игра - «ассоциация», по-моему, называется, когда людей ассоциируют с каким-то животным или предметом. Обычно, когда первая ассоциация возникает, она ближе всего к человеку и как-то с ним каким-то образом клеится. У меня он у меня всегда ассоциировался с белухами или китами. Но образ его вот этот с бородой, высокий, и последние годы он всегда садился на высокий стул, он почему-то ассоциировался с филином.